

УДК 321.17

DOI 10.17223/1998863X/31/2

К.А. Соловьев

НЕЛЕГИТИМНОЕ НАСИЛИЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Анализируются случаи применения нелегитимного насилия в Древней Руси (X–XII вв.). Выделены две модели нелегитимного насилия, источниками которого могли выступать княжеские и вечевые структуры власти. Рассмотрены три вида нелегитимного насилия, применяемого в отношениях между князем и территориальной (родовой) общиной; династических-междукняжеских; а также в отношениях между князем и его окружением.

Ключевые слова: историческая политология, нелегитимное насилие, история власти, Древняя Русь.

Легитимное насилие – одна из важнейших характеристик государственной власти. Согласно общепризнанной концепции М. Вебера только государство имеет признанное населением право применять насилие в целях защиты интересов личности, общественных групп или всего населения [1. С. 645]. Эта концепция была разработана для уже сложившегося государства. В обществах же с формирующимися государственными структурами (а именно такой была Древняя Русь в X–XII вв.) все выглядит значительно сложнее. Государство возникает не на пустом месте. Оно замещает собой структуры родового общества. Соответственно, в течение всего периода замещения в сознании населения существует диссонанс двух властных моделей и двух принципов применения насилия: родового и государственного. Применительно к Древней Руси это модели вечевого и княжеского насилия, причем и то и другое было естественным (необходимым, легитимным) до того исторического момента, когда княжеское насилие стало признаваться единственно правильным, выражающим характер сформировавшегося государства. И вечевое, и княжеское насилие имели собственные признаки легитимности. Для вечевого насилия важнейшими признаками были: а) принятие решения имеющимся на данный момент большинством и б) его немедленное исполнение. Можно выделить и несколько признаков княжеского легитимного насилия. Сначала оно распространялось только на две сферы: военную и судебную; применялось в соответствии с «рядом» – договором, заключенным между князем и вечевыми территориальными (племенными) структурами; принимало традиционные формы, в рамках признанных обычаев [2. С. 37–56].

Первым случаем конфликта двух властных систем, вероятно, можно признать конфликт между великими князем Киевским Игорем и древлянами. Вот как этот конфликт описан в «Повести временных лет»: «Игорь, иде в Древа в дань, и примысляше къ пѣрвой дани, и насилыше имъ и мужи его. ... Идущю же ему въспять, размысли, рече дружинѣ своей: “Идете вы с данью домови, а язъ възвращюся и похожую еще”. ... Слышавше же древляне, яко опять идеть, съдумавше древляне съ княземъ своимъ Маломъ и ркоша:

“Аще ся вѣвдѣть волкъ въ овцѣ, то относитъ по единой все стадо, аще не убьютъ его; тако и сий, аще не убьемъ его, то вси ны погубить”. И послаша к нему, глаголюще: “Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань”. И не послуша ихъ Игорь, и шедше из города Искоростѣня противу древляне и убилъ Игоря и дружину его, бѣ бо ихъ мало» [3].

Выход великого князя за пределы своих полномочий проявляется здесь в намерении взять вторую дань, что противоречило договору с древлянами и его функции судьи и защитника. В приведенном фрагменте эта коллизия семантически выражена оборотом «насиляше имъ». Ответ древлян стал *нелегитимным действием*, поскольку после провала переговоров древляне напали на князя именно с целью его убить, а не изгнать, что выводило их за пределы легитимности.

Попыткой древлян преодолеть *кризис легитимности* стало отправление посольства с предложением заключить династический брак: «Се князя рускаго убихомъ, поимемъ жену его Ольгу за князь свой Маль и Святослава, и створимъ ему, якоже хотимъ» [3]. На это Ольга ответила насилием, представленным в «Повести...» в формах архетипической мести землей и огнем, распространенных у индоевропейцев (славян, скандинавов, германцев) дохристианской поры [4. С. 150; 5. С. 229–303]. Военный поход Ольги на древлян имел все черты великокняжеской легитимности: он представлен как новое завоевание Древлянской земли наследником Игоря, в. к. Святославом: «Ольга съ сыномъ Святославомъ събра вои многы и храбры, и иде на Деревскую землю. И изыдоша древляне противу. И снемъшема обѣма полкома на скупъ, суну копьемъ Святославъ на древляны... И рече Свенгелдъ и Асмудъ: “Князь уже почаль, потягнемъ, дружино, по князи”» [3].

Настоящим преодолением кризиса стали действия Ольги по размежеванию властных полномочий и земельных владений, сначала в Древлянской земле, потом и на других территориях: «И иде Ольга по Деревской земли съ сыномъ своимъ и дружиною своею, уставляючи уставы и уроки, и суть становища ея и ловища ея. ... и оброки; и ловища ея суть по всей земли, и знаменья и мѣста и погосты» [3]. Семантический стержень этого фрагмента летописного рассказа – «устав» («правила»). Утверждая правила сбора дани, Ольга проводила предварительную работу по *формированию правовых норм* во взаимоотношениях между властью и населением. Таким образом, *легализация полномочий власти* (перевод их из сравнительно неопределенных норм, регулируемых обычаем, в сферу права) позволила не только преодолеть кризис легитимности, но и предотвратить одну из угроз нелегитимного насилия: в сфере сбора дани.

Типологически схожая ситуация возникла в начале XI века в Новгороде, в отношениях между князем Ярославом Владимировичем и новгородцами. По сути это был *микроризис легитимности*, сформировавшийся на фоне другого – общего кризиса, вызванного нелегитимными действиями Святослава Окаянного, пытавшегося присвоить права великого князя. Отношения внутри династии Рюриковичей были конфликтными на протяжении всей истории Руси. Но при разрешении этих конфликтов насилие применялось, как правило, лишь в ходе военных действий. Убийство князя вне сражения,

сразу же выводило убийцу из сферы легитимности. Именно так развивались события в 1015–1016 гг., после смерти Владимира Святославича. Дружина Владимира предложила стать великим князем Борису Владимировичу, но тот отказался, не желая идти на конфликт со старшим братом. А князь Святополк совершил втайне подготовленное убийство конкурента, что вошло в противоречие и с родовой традицией честного вооруженного противостояния, и с новой, только формирующейся традицией – христианского поведения. Другие признаки нелегитимности действий Святополка: а) при совершении убийств были использованы наемники; б) нападение на братьев было личным решением князя, принимаемым вне установленных процедур, никак не связанным с поступками жертв; в) оно было нацелено на устрашение и дезорганизацию других возможных претендентов на власть. Все это складывается в единую характеристику княжеского нелегитимного насилия, которое применялось в конкурентной борьбе за власть без военных действий и вне суда (который невозможен для представителя правящей династии).

Действия Святополка не оставили Ярославу, княжившему тогда в Новгороде, никаких других вариантов действий, кроме вооруженного сопротивления. И это сопротивление, осененное образами безвинных жертв, становилось частью политики, не только правильной, но и *праведной*, чему способствовало установление и распространение в дальнейшем культа святых благоверных страстотерпцев Бориса и Глеба. Но в это же самое время сам Ярослав балансировал на грани легитимности в своих отношениях с новгородцами. Вот как развивались эти события: «Ярославу же не вѣдущо отни смерти, варязи бяху мнози у Ярослава и насилье творяху новгородъцемь. И, вѣставша на нь, новгородьци избиша варягы въ дворѣ Поромони. И разгнѣвася Ярославъ и, шедъ на Рокъмь, и сѣде въ дворѣ. И пославъ к новгородъцемь и рече: “Уже мнѣ сихъ не крѣсити”. И позва к собѣ; нарочитая мужа, иже бяху исъсѣкли варяги, и обльсти я сице, исѣче их 1000. В ту же ночь приде ему вѣсть ис Киева от сестры его Передьславы: “Отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ в Киевѣ, уби Бориса и по Глѣба посла, а ты блюди сего повелику”» [3].

Кризис, вызванный взаимным насилием, налицо. Его разрешением стали переговоры Ярослава с новгородцами, изложенные буквально в двух фразах: «И утре слезъ и рече имъ на вѣчѣ: “Отець мой умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ в Киевѣ, избивая братью свою”. И рѣша новгородьчѣ: “Аще, княже, братья наша исѣченѣ суть, можемъ по тобѣ бороти”». Эти две фразы представляют собой начало (фраза Ярослава) и конец (ответ новгородцев) переговоров, но не дают представления о том, каким образом Ярослав сумел добиться если не прощения, то своего рода «забвения» совершенных убийств и помощи в борьбе со Святополком. В Новгородской Первой летописи под 1016 г. встывает описание конфликта Ярослава с новгородцами, его борьба за Киев и Краткая редакция «Русской правды» – первого сборника законов Древней Руси. Начинается она, как известно, статьей об убийстве: «Убиет муж мужа...» [6. С. 84], т.е. о том деянии, вокруг которого разгорелся (и чем продолжился) кризис легитимности власти Ярослава в Новгороде.

Таким образом, и здесь можно говорить о том, что выход из ситуации применения нелегитимного насилия (и его эскалации) состоял в том, что на смену ситуативным решениям, вырабатываемым под влиянием эмоций и ориентированным на традицию и обычаи, приходят отношения права. *Легальность власти* становится главной опорой ее вертикальной (по отношению к населению) легитимности. Но возникающая легальность не затрагивала отношений между членами правящей династии, не подлежащими суду, поскольку князья сами были источником права. Здесь действовали другие подходы. Одним из таких новых подходов стало стремление установить *правила соправления* в форме распределения «столов». Вторым – формирование и укрепление культа святых-страстотерпцев Бориса и Глеба в XI–XII вв. Оба подхода позволяли выстраивать новые ориентиры горизонтальной легитимности. При этом рамки культа Бориса и Глеба создавали возможности для появления самых разнообразных трактовок права на власть внутри династии [7], а это, в свою очередь, вело к возможности проявлений как легитимного, так и нелегитимного насилия.

Наиболее ярким примером последнего стало ослепление Василка Требовальского в 1097 г. События развивались следующим образом: после нескольких лет междоусобиц, осложненных регулярными приходами половцев в русские земли, князья собрались в Любече, закрепив крестным целованием распределение «столов»: «Каждо держити очьчину свою: Святополку – Киевъ Изяславль, Володимерь – Всеволожу, Давыдъ и Олегъ, Ярославъ – Святославлю, имже раздаяль Всеволодъ города: Давыдови Володимерь, Ростиславичема – Перемышль Володареви, Теребовль ... Василькови» [3]. Элементы легитимности в описании съезда князей и его решений таковы:

- на съезде были представлены все старшие князья – внуки Ярослава Мудрого и два его правнука – Ростиславичи;
- решение было совместным, как сейчас бы сказали, – консенсусным;
- за основу выработанного решения была принята отчинная традиция – воля Ярослава и его сына Всеволода, в бытность того великим князем Киевским;
- решение закреплено обрядом крестоцелования, и этот крест (в победном для него сражении со Святополком Изяславичем) использовал Василько Требовальский («И поидоша обои противу собѣ к боеви, и съступишася полци, и мнози челоувѣци благовѣрнии видѣша крестъ над Василковыми вои узвышыиися вельми») [3].

Но решения, принятые по взаимной договоренности и не закрепленные законом, предполагавшим ответственность за несоблюдение договора, легко было нарушить. Что и произошло, причем не в легитимной форме воинского противостояния, а в формах нелегитимного насилия. В последующем летописном рассказе, записанном со слов свидетеля событий Василия, упомянуты две такие формы.

Первая: князь Давыд Игоревич оклеветал перед великим князем Киевским Святополком своего недруга – Василка Требовальского. Великий князь приказал Василку пленить и ослепить, выдав затем князю Давыду. Пленение одного князя другим в сражении – легитимная форма княжеских взаимоотношений. Пленение коварством и хитростью, а тем более ослепление – нет, что и выражено в «Повести...» словами князя Владимира Мономаха: «Сего

не было есть у Русьской земли ни при дѣдехъ нашихъ, ни при отцехъ нашихъ, сякого зла» [3]. Решение об ослеплении отсылает нас к истории скандинавских конунгов, в частности к «Саге об Эймунде» [8. С. 89–104], в которой упомянут ослепленный Олавом Святым (старшим современником Ярослава Мудрого) конунг Ререк. «Неправота» (нелегитимность) ослепления одним князем другого была столь очевидна, что впоследствии Святополк перекладывал вину на Давыда: «И рече Святополкъ: “Повѣдалъ ми Давыдъ Игоревичъ, яко Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе хочеть убити и зяти волость твою ... И не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, и вель и к собѣ”». А Давыд, в свою очередь, отрекался от своей роли в этом деле: «Ци я се створиль, ци ли у моемъ городѣ? Язъ и самъ боялься, аще быша и мене не яли и створили то же. Неволя ми было пристати свѣту ихъ, ходящу в рукахъ ихъ» [3].

Вторая же форма нелегитимного насилия стала ответом на первую. Но это уже насилие совсем иного рода: Василько и его брат Володарь, мстя князю Давыду, осадили принадлежавший тому городок Всеволож и разорили его: «Онѣма же ставшима около Всеволожа и взяста копьемъ городъ и зажъгоста огнемъ, и выбѣгоша людье от огня. И повелѣ Василко вся исѣщи, и створи Василко мышценье на людехъ неповинныхъ и проляя кровь неповинну» [3].

Инициативу по преодолению кризиса легитимности, грозившего вызвать все новые и новые формы насилия, пришлось взять на себя Владимиру Мономаху. В процесс ликвидации последствий этого кризиса были вовлечены все князья, принимавшие участие в Любеческом съезде; мать Мономаха («Всеволодова вдова»), «молившая» сына не мстить Святополку Изяславичу; митрополит, киевское духовенство; вечевые собрания Киева и других городов, вовлеченных в княжеские междоусобицы. Точка в этой истории была поставлена на съезде в Уветичах (1100 г.), ссылкой князя Давыда Игоревича в Дорогбуж. Но условия для исключения или хотя бы ограничения возможности использования насилия в междукняжеских отношениях созданы не были, что и провоцировало, раз за разом, применение как легитимного, так и нелегитимного насилия в борьбе за земли и власть, вплоть до ослепления великого князя Василия Васильевича в ходе феодальной войны первой половины XV века.

Совсем иной формой нелегитимного насилия стало убийство великого князя Андрея Боголюбского. Само убийство и его последствия подробно изложены в Ипатьевской летописи: 20 заговорщиков в ночь с субботы на воскресенье 28 июня 1175 г. ворвались в покои князя и убили его «мечи и саблями, и копиинныя язвы даша ему» [9]. На то, что это было не спонтанное решение и заговор готовился уже какое-то время, указывают сразу несколько деталей. *Первая* из них – количество вовлеченных в убийство. *Вторая* – совещание заговорщиков («совет лукавых»), толчком к которому стало распоряжение Андрея казнить брата Яким, названного в «повести...» слугой великого князя «възлюблены имъ». Сама речь Яким к «братии» («Днесь того казнилъ, а насъ завтра, а промыслимы о князѣ семь») свидетельствует (возможно) о панике среди заговорщиков, решивших, что их заговор открыт и потому вынужденных действовать быстро: «И пришедъши ноши, они же

устрѣмивъшеся, поймавъше оружья, поидоша на нь, яко звѣрьє свѣрьпии...». И, наконец, третья деталь: переговоры заговорщиков, после совершения убийства, с представителями городской общины Владимира: «...и скупisha полкъ, и послаша къ Володимѣрю: “Ти что помышляете на насъ? А хотим ся с вами коньчати, не насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ суть же в тои же думѣ!” И рѣкоша володимѣрци: “Да кто с вами в думѣ, то буди вамъ, а намъ не надобѣ”» [9].

«Дума» ближайшего окружения Андрея (один из заговорщиков – Амбал – ключник великого князя, руководитель заговора и его активные участники Петр, «зять Кучкович», и сами Кучковичи – родственники Андрея по его первой жене) с частью «дружины Владимира» (т.е. владимирских бояр) – самое важное свидетельство намеренного выхода части элиты Владимирской земли из легитимного поля, для защиты своих интересов и, возможно, жизни. Почему это могло произойти – таких ответов источники не дают. Но та же Ипатьевская летопись содержит информацию о том, как поступил Андрей Юрьевич, утвердившись во Владимир-Суздальской земле. Под 1062 г. в ней значится запись: «... выгна Андреи епископа Леона ис Суждаля и братью свою погна, Мстислава и Василка, и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца свои переднии. Се же сотвори хотя самовластец быти всеи Суждальской земли» [10. С. 520]. Эти события, не отраженные во владимирско-суздальском летописании (Суздальской летописи и Переславского летописца, где под тем же годом стоит запись «Не бысть ничто же» [11. С. 90]), показывают нам, как Андрей Боголюбский сузил пространство собственной легитимности. Термин «самовластец» может быть трактован и в духе византийской традиции как «самодержец». Но может пониматься и как тиран. Великий князь отказался подкрепить свою власть авторитетом династии, не захотел опереться на бояр, служивших его отцу, начал конфликт с церковными иерархами. Какие еще элементы легитимности у него оставались, если учесть, что с вечевыми структурами старейших городов этой земли – Ростова и Суздаля – он иметь дела не хотел? Ответ – только его личная харизма, самый ненадежный из всех инструментов легитимности.

Итак, мы видим, что в Древней Руси существовало несколько видов нелегитимного насилия. Первая (по времени) – насилие в ходе взаимодействия князя и территориальной общины (коллизии Игорь –древляне, Ярослав – новгородцы). Вторая – насилие в ходе княжеских междоусобиц (убийство Бориса и Глеба, ослепление Василко Требовальского). И третий – насилие представителей правящей элиты по отношению к собственному князю (убийство Андрея Боголюбского). Устранение возможностей для применения нелегитимного насилия первого вида стало возможно при расширении поля легальности для великого князя. Те формы взаимодействия власти и населения, которые регулировались законом, были ограждены от применения нелегитимного насилия, как с той, так и с другой стороны. Второй вид насилия – в междукняжеских отношениях – не был (и не мог быть) урегулирован законом. Поэтому насилие одного князя по отношению к другому регулярно воспроизводилось в XII–XV веках. А вот условия для актуализации нелегитимного насилия третьего вида в XIII–XIV веках не складывались во

многим из-за того, что изменились условия функционирования власти князей, попавших под политическое влияние Орды и вынужденных, в подспудной борьбе за легитимность, опираться на боярскую элиту, а не конфликтовать с ней.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
2. Соловьев К.А. Властители и судьи. Легитимация государственной власти в Древней и Средневековой Руси. М.: Университетский гуманитарный лицей, 1999.
3. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. [Электронный ресурс]. – <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения 17.07.2014)
4. Гуревич А.Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 148–157.
5. Бучилина Ю.Н. Женские архетипы в «Песни о Нибелунгах» в контексте предшествующей и последующей культурной традиции // Вестник Нижегородского университета. 2008. Т. 5. С. 299–301.
6. Новгородская летопись по синодальному харатейному списку // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1888. Т. 3. 576 с.
7. Соловьев К.А. Культ Бориса и Глеба во властных отношениях Древней Руси. М.: Спутник+, 2007. 251 с.
8. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1978. М., 1978.
9. Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век. СПб.: Наука, 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4937> (дата обращения 1.07.2014).
10. Ипатьевская летопись // ПСЛР. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. 648 с.
11. Летописец Переславля Суздальского // ПСРЛ. М.: Археографический центр, 1995. Т. 41. 184 с.

Konstantin A. Solovyev. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).
E-mail: ksoloviov@spa.msu.ru, solovka-05@yandex.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/2

ILLEGITIMATE VIOLENCE IN ANCIENT RUSSIA

Key words: *historical politology, construct, illegitimate violence, history of power, ancient Russia.*

Legitimate violence is one of the most important characteristics of the governmental authority. According to the generally recognized concept of M. Verber only the government has a right (recognized by the population) to use the violence in order to protect the interests of a person, communities or the whole population. This concept concerns an established government. In the communities where the governmental structures are in the process of forming (like ancient Russia in X–XII centuries) the situation is more complicated. The government does not appear with no base. It substitutes the structures of a tribal society. During the substitution period, in the collective consciousness of the population exist two contradicting authority models and two models of violence respectively: a tribal model and a governmental one. In ancient Russia this models were «veche violence» and «knyaz violence». Both of them had been recognized as natural (legitimate) until the knyaz violence model became the only one considered as a right one and reflecting the type of new formed nation state.

Several types of Non legitimate violence existed in ancient Russia. First type (by the time of appearance) was the violence between a knyaz and a local society (collisions: Igor-Drevlians, Jaroslav-Novgorodians). Second type: violence between knyazes (blinding of Vasiliko Trebovalsky). Third type: violence of governing elite members towards the knyaz (Andrey Bogolyubsky murder).

The first type of non-legitimate violence was liquidated while the sphere of legitimacy of grand knyaz was spreading. The forms of cooperation between government and population regulated by the law were protected from non-legitimate violence by both parties.

The second violence type (between knyazes) was not (and couldn't be) regulated by law. Therefore the violence between knyazes was practiced on a regular basis in the XII–XV centuries. During

XIII–XIV centuries there were no conditions for initiation of 3rd type of violence due to the change of the of knyazes' government functioning terms. That time knyazes were under the political influence of Orda and struggling for legitimacy they had to rely on the elite stopping the conflicts with it.

References

1. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress.
2. Solovyov, K.A. (1999) *Vlastiteli i sud'i. Legitimatsiya gosudarstvennoy vlasti v Drevney i Srednevekovoy Rusi* [The rulers and judges. The legitimization of state power in the ancient and medieval Russia]. Moscow: Universitetskii gumanitarnyy litsey.
3. Anon. (1997) *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Library of Ancient Rus Literature]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869>. (Accessed: 17th July 07.2014)
4. Gurevich, A.Ya. (1994) *Dialektika sud'by u germantsev i drevnikh skandinavov* [The dialectic of fate in Germans and ancient Scandinavians]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in different cultures]. Moscow: Nauka. pp. 148–157.
5. Buchilina, Yu.N. (2008) Women's archetypes in the Nibelungenlied in the context of previous and subsequent cultural tradition. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta*. 5. pp. 299–301. (In Russian).
6. Anon. (1888) *Novgorodskaya letopis' po sinodal'nomu kharateynomu spisku* [The Chronicle of Novgorod 1016–1471]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 3. St. Petersburg.
7. Solovyov, K.A. (2007) *Kul't Borisa i Gleba vo vlastnykh otnosheniyakh Drevney Rusi* [The cult of Boris and Gleb in power relations of ancient Russia]. Moscow: Sputnik+.
8. Rydzevskaya, E.A. (1978) *Drevnyaya Rus' i Skandinaviya v IX–XIV vv.* [Ancient Rus and Scandinavia in the 9th – 14th centuries]. Moscow: Nauka.
9. Anon. (1997) *Povest' ob ubienii Andrey Bogolyubskogo* [The story about the murder of Andrei Bogolyubsky]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The Library of Ancient Rus Literature]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4937>. (Accessed: 1st July 2014).
10. Anon. (1998) *Ipat'evskaya letopis'* [The Hypatian Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. *Letopisets Pereslavlya Suzdal'skogo* [The Chronicler Of Pereyasavl-Suzdal]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 41. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr.